

Игорь Николаевич Спихин:

Игорь Николаевич Спихин родился в 1928 году в городе Иваново. С начала войны, будучи подростком, работал на фабрике наряду со взрослыми. Имеет звание ветерана Отечественной войны, медаль «За доблестный и самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны». Долгие годы Игорь Николаевич добросовестно работал в системе Ивгоргаза.

«Чтобы приняли на работу, приписал себе год...»

Мой отец Николай Михайлович Спихин в 1913 году в возрасте тринадцати лет приехал в Иваново из деревни - работать на фабрике. Там он увлекся революционными идеями. Ещё мальчишкой участвовал в демонстрации в 1905 году на нынешней площади Революции, в ходе которой многие рабочие были расстреляны, в их числе погиб и его друг. Пройдя Гражданскую войну, отец учился в школе ВЦИК в Кремле, где готовили «красных командиров». В 1925 году, будучи курсантом, стоял в почетном карауле с оружием на похоронах М.В. Фрунзе. В 30-е годы был репрессирован. Отбыв срок - пять лет - в Воркуте, вернулся в Иваново в 1940-м и устроился на завод. Мама Елизавета Васильевна, уроженка города Иванова, работала на фабрике ткачихой. Нас, детей, в семье было трое, я старший. Руслан моложе меня на шесть лет, сестра Надя родилась в 41-м... Еще один ребенок, Юрий, к большому несчастью всех, умер от дифтерита в 1935 году.

Жили мы на улице Батурина, во дворе цирка. Через забор от нас - Дом инженерно-технических работников. В нем была библиотека, в которую я часто ходил брать сказки. В 1939 году это здание передали под Дворец пионеров. Мне очень хотелось туда попасть! Пытался поступить и в хор, и в радиокружок, но они были уже «укомплектованы»... Наконец, в начале 1940 года меня записали в исторический... В него я ходил до начала войны. Нам показывали кинофильмы, возили в Шую в музей имени Фрунзе. Очень запомнился интересный экспонат - дверь камеры, в которой Михаил Васильевич в свое время отбывал после ареста... Во Дворце мы занимались в Комнате сказок и в зале для игр. Там была игрушечная железная дорога, по которой по кругу ходил поезд. Еще запомнился спектакль «Пионер Павлик Морозов», подготовленный участниками драмкружка, а также встречи со знаменитыми людьми.

Дом на улице Батурина многому научил меня, и я до сих пор интересуюсь историей своего родного и любимого города....

Весной 1941 года я перешел в шестой класс. Радовался: впереди длинные каникулы! Без устали играли в футбол, «сыщиков–разбойников», «чижика»... Кто-то из друзей уезжал в пионерские лагеря. Моей маме на фабрике тоже дали для меня путевку. На июль...

Утром 22 июня мы всей дворовой компанией решили сыграть в беговую лапту. День выдался теплый и солнечный, к тому же воскресенье... Настроение - прекрасное и беззаботное.... Бегаем, кричим... А ближе к полудню из нашего дома вышел сосед и сказал: «Началась война! Игра окончена!» Мы сразу стали обсуждать это сообщение. Обстановка в мире была напряженная, мы это чувствовали и часто играли в войну, однако угрозы ждали не с запада, а с востока, со стороны Японии. В нашей компании были и взрослые восемнадцатилетние парни, комсомольцы. Я помню их по именам: Юрий Дудукин - сын директора Госцирка, Юрий Курбатов, Виктор Калабин. Они вскоре отправились добровольцами на фронт, и в первые же месяцы войны погибли. Мой отец тоже ушел воевать. Помню слезы провожавших...

Школы города заняли под госпитали. Учеников нашей 52-й школы перевели в школу №36, в здание нынешнего Художественного музея. Вскоре ее тоже заняли под военные нужды. Нас начали распределять по квартирам. Пошла неразбериха. Ученики стали бросать школу. Кое-кто пошел работать на предприятия. Я узнал, что на фабрику имени Фёдора Зиновьева набирают учеников ткача, но принимают с 14 лет. А мне было только 13. Тогда я решился на подлог - исправил дату рождения в метриках, приписал себе «лишний» год. Подделку не заметили.

16 декабря 1941 года впервые отправился на работу. Вошел в цех №3, там стоял ужасный шум от ткацких станков, и дальше двери ноги мои не шли. Настроение было - убежать обратно домой. Но я решился все-таки не отступать. В конторке в углу цеха девушка Тоня, фамилию тоже помню - Морева, взяла у меня направление из отдела кадров и послала к инструктору, тоже молодой девушке по имени Амаля. Амаля «прикрепила» меня к ткачихе, у которой я был в учениках полмесяца. В цехе работали почти одни подростки. Маленькие ростом и слабенькие на вид подставляли под ноги ящики, а тяжелый рычаг двигали двумя руками.

Вскоре я стал работать самостоятельно. Нужно было быть осторожным, так как станочный челнок, который имел два металлических наконечника, мог отлететь и поранить. Однажды челнок из соседнего станка чуть-чуть не попал мне в позвоночник...

Рабочий день у детей 14-15 лет длился четыре часа, 15-16 лет - шесть, с 16 лет – 11 часов в сутки с перерывом в 30 минут. В случае опоздания на работу на 21 минуту и более работника, несмотря на детский возраст, судил народный суд. В первый раз приговаривали к лишению на три месяца 100 граммов хлеба из положенного по рабочей карточке 600 граммов и к вычету 15% из зарплаты; за второе опоздание вычитали по 200 граммов хлеба на 6 месяцев и 20% из зарплаты. В третий раз не судили, а направляли на беседу к прокурору. За четвертое опоздание виноватые стояли перед ревтрибуналом, который приговаривал к пяти, семи или девяти годам лишения свободы. Наказывал он, так же, как и народный суд, невзирая ни на возраст, ни на обстоятельства. Таковы были законы военного времени! Я, как и большинство моих, товарищей, никогда на работу не опаздывал.

Школу пришлось бросить: работа ежедневная, отпусков не полагалось, на месяц приходилось только два выходных... А бывало и так, что минут за десять до конца рабочего дня нам объявляли: сейчас мы едем в Комсомольск - грузить торф для ИвГРЭСа. Даже домой не было возможности сообщить об этом. Свои выходные я, как правило, проводил в очередях в магазине да следил за младшими, братом и сестрой. Мама ведь тоже работала...

От отца с фронта приходили письма. В 43-м году он был ранен под Липецком, чуть не попал в плен, лежал в госпитале, вылезился. Прошел и Курскую дугу, и Польшу. Судимость с него сняли. Заслужил и награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны, медаль «За отвагу». Есть и почетная грамота за подписью Сталина, поступившая в адрес их части, где в числе отличившихся в боях упомянут и Спихин Николай Михайлович.

Летом 1945 года мне должно было исполниться 17 лет. С этого возраста брали на фронт. На 9 мая у меня была повестка в военкомат. Я явился, как положено, а дежурный сказал мне: «Война окончилась, придешь завтра». Это было самое радостное сообщение за все эти четыре года. День выдался хоть и холодный, но солнечный. Народ ликовал. Были танцы в драмтеатре и в цирке. Эти ощущения нельзя описать, можно только пережить.

23 июня в Иваново пришел первый эшелон с фронта. Встречали его с оркестром. А отец вернулся 23 августа. Помню, я спал после ночной смены и вдруг услышал стук в окно. Кто-то из друзей-мальчишек крикнул: «К тебе отец приехал, ждет тебя на вокзале, он послал меня тебе сказать». Быстро оделся и полетел встречать отца. Запомнилось - отец привез трофеи: два велосипеда, мужской и дамский, и ружье.

...В армию я был призван уже в 1949 году. Прослужил четыре с половиной года в Белоруссии. Там и познакомился с будущей женой. У неё тоже своя история из военного детства. Её семья жила в городе Слуцк, это южнее Минска. Отец ушел на фронт и погиб в 1944 году. Дома оставались её дедушка, мать и братья матери. Один из них, Павел, был связан с партизанами. Ему поручили работать «полицаем». Так он получал ценные сведения, которые передавал нашим... Среди соседей нашелся предатель – доложил немцам про Павла. Один немецкий офицер-медик предупредил об этом деда моей будущей жены... Вся семья успела уйти в лес к партизанам. Так немцы узнали о существовании отряда. Они решили взять в окружение его и уничтожить. Но партизаны заманили карателей дальше в лес, где было большое болото. Местные хорошо знали эти места, а немцы погибли в болотной топи... Моя будущая жена тоже была «партизаном», хоть ей и было тогда лет семь или восемь. Взрослым выходить на связь было опасно, а иногда требовалось передать какие-то сведения очень срочно. Тогда в чулок маленькой девочки прятали донесение и отпускали ее одну в соседнюю деревню «в гости» - там ждал связной. Немцы не обращали на неё внимания, и она успешно справлялась с такими ответственными заданиями...